
ОТЪ АСТРАХАНИ ДО МАРГЕЛАНА.

(ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ.)

Августъ 1895 года.

І. В ъ м о р ѣ.

Вотъ раздался послѣдній протяжный оглушительный пароходный свистокъ, зашумѣла у колесъ желтая словно янтарь пѣна—и мы тронулись: „Кавось“ отчалилъ отъ Астрахани.

Все будто замерло въ этотъ мигъ; вся суета обычная при отплытіи парохода, громкіе крики, толкотня, все стихло разомъ, точно почувавъ всю важность минуты. Еще немного и далеко-далеко отойдутъ отъ насъ родные берега. Многіе можетъ-быть въ первый разъ въ жизни очутятся въ открытомъ морѣ, тщетно ища хоть какую-нибудь точку на которой могъ бы остановиться глазъ кромѣ воды и неба, неба и воды, сливающихся вмѣстѣ. Я слышала отъ многихъ о жуткомъ чувствѣ охватывающемъ человѣка при первомъ разставаніи съ берегомъ, и сердце, мало послушное разсудку, невольно билось сильнѣе обыкновеннаго. Съ пристани машутъ еще платками провожающіе, вдоль берега, держась на-равнѣ съ пароходомъ, спѣшатъ извозчики... Прощай, Астрахань! Прощай и Волга, съ дѣтства милая, родная Волга съ своими шумными пристанями и величественными селами, съ тихою заунывною бурлацкою пѣсней, съ живописными Жигулевскими горами и мягкой, ласкающею глазъ зеленью луговъ! Скоро унесемся мы далеко-далеко! Прошлую ночь мы послѣдній разъ любовались Волгой. Пароходъ „Миссури“ на которомъ мы приплыли изъ Нижняго присталъ къ Астрахани въ 6 ч. вечера; мы рѣшили что провести ночь на Волгѣ будетъ пріятнѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ душномъ номерѣ гостиницы и, отстоявъ въ соборѣ торжествен-

ную всенощную (это былъ канунъ Преображенія), вернулись на „Миссури“.

Чай послѣ продолжительнаго стоянія въ церкви казался такъ вкусенъ, рассказы нашихъ собесѣдниковъ о красотахъ природы Туркестанскаго края дышали такою живостью что мы и не замѣтили какъ промелькнулъ вечеръ и темная ночь спустилась надъ Астраханью. Далеко за полночь вышли мы изъ столовой на палубу и поразились тою новою красой въ какой предстала передъ нами давно знакомая намъ Волга-матушка. Точно захотѣла красавица для послѣдняго свиданія блеснуть передъ нами въ роскошномъ нарядѣ; засвѣтилась она вся, словно небо звѣздами, разноцвѣтными огоньками судовъ и въ спокойныхъ задумчивыхъ водахъ какъ въ зеркалѣ отражаются всѣ эти огни. Тишь кругомъ, не шелохнетъ... Звѣзды такъ ласково свѣтятъ на голубомъ сводѣ неба. Долго гуляли мы по палубѣ съ одного конца до другаго, пока понемногу стали блѣднѣть и гаснуть огни и освѣтило намъ Волгу со всею этою массой пестрыхъ судовъ восходящее солнце. Природа пробуждалась, а мы... на мягкихъ бархатныхъ диванахъ въ просторныхъ каютахъ „Миссури“ мы заснули самымъ безмятежнымъ сладкимъ сномъ.

Но спать пришлось не долго. Въ 8 ч. заботливый лакей постучалъ къ намъ въ дверь, возвѣщая о томъ что пора собираться на „Кавосъ“. И вотъ мы на „Кавосъ“ и сколько ни думай о Волгѣ, а дѣйствительность беретъ свое: берега становятся все пустыннѣе, кончились пригородныя строенія, миновали и жалкіе передѣски, одинъ песокъ желтѣетъ, и тотъ все болѣе отдаляется. Въ каютѣ такая тѣснота и духота что невозможно сидѣть и вся публика на верху, на трапѣ. Всѣ немного въ возбужденномъ состояніи духа, поэтому легче завязывается разговоръ и черезъ полчаса все общество уже знакомо.

„Вы куда ѣдете?“ „Въ первый разъ на морѣ?“ слышится тутъ и тамъ. Всѣ эти люди, за часъ передъ тѣмъ жившіе каждый своею отдѣльною жизнью, своими личными интересами, теперь живутъ одною мыслию, однимъ чувствомъ. Всѣ они довѣрились одной бурной стихіи, находятся въ полной ея власти, всѣхъ ихъ сблизила она и сроднила. Симпатичная пожилая старушка со слезами на глазахъ изливаетъ свое горе передъ молодою дамой. Хорошенькая дочка ея замѣтно сконфужена тѣмъ что мамаша въ порывѣ откровенности выдаетъ ей сердечныя тайны: ранняя любовь въ 17 лѣтъ, неудачный вы-

боръ—и вотъ заботливая мать, обливаясь слезами, прощается со своими любимцами—сыновьями съ которыми всю жизнь не разставалась, съ родиной и увозить за тысячу верстъ бѣдовую барышню „въ Чарджуй“, съ ужасомъ говоритъ она. А тамъ, дальше, съ неописанною радостію на лицѣ разговариваетъ молодой офицеръ со старымъ муллою въ халатѣ. Чтѣ общаго у нихъ? Юный поручикъ только-что окончилъ курсы восточныхъ языковъ, ѣдетъ теперь въ Бухару и радъ случаю провѣрить свое знаніе. Мулла очень образованный, и книга которую онъ только-что отложилъ оказывается Евангеліемъ. Много военныхъ на пароходѣ: вотъ полковникъ ѣдетъ въ Маргеланъ, старичокъ капитанъ возвращается въ Ташкентъ. Еще нѣсколько молодыхъ офицеровъ. Воздухъ морской такой свѣжій, пріятный, вѣтра почти нѣтъ, чуть-чуть подуетъ легкій вѣтерокъ, едва замѣтно качнетъ разъ-другой пароходъ и всѣ оживляются; морская качка которая казалась такою страшною оказывается пріятнымъ удовольствіемъ, замѣняетъ качель. Одинъ изъ офицеровъ, фотографъ-любитель, снимаетъ общую группу на память о пріятномъ путешествіи.

А берега ужъ исчезаютъ. И не замѣтили какъ скрылся изъ глазъ желтый песокъ. Теперь только одна полоска какаютъ виднѣется вдаль; „это Бирючья коса“, поясняетъ капитанъ; тамъ мы должны остановиться и спустить на лодкѣ двухъ пассажировъ которые такъ долго прощались провожая что не замѣтили третьяго свистка и неожиданно-негаданно тоже оказались на морѣ.

Астраханцы—люди привычные къ водѣ, и наши двѣ пассажирки преспокойно поплыли на лодочкѣ по тому самому морю по которому мы со страхомъ пускались въ путь на пароходѣ. Еще будетъ одна остановка, на „девяти футахъ“; пароходы пристають къ баркѣ и тутъ иногда происходитъ пересадка на другой пароходъ, а „Кавось“ возвращается въ Астрахань,—рейсъ его не великъ, но на этотъ разъ онъ идетъ до „двѣнадцати футовъ“. Раздается звонокъ приглашающій всѣхъ въ столовую; за табль дотомъ подается очень вкусный обѣдъ за который между прочимъ ничего не платится, прекрасный кофе послѣ обѣда и незамѣтно пришло разставаніе съ „Кавосомъ“. Въ 4 ч. мы были на „двѣнадцати футахъ“ гдѣ насъ ожидалъ „Корниловъ“.

Теперь уже все-таки поплавали по морю, морской болѣзни ни у кого не было, качка очень пріятна и съ бодрымъ духомъ мы всѣ пересаживаемся для дальнѣйшаго путешествія. Въ 8 ч.

„Корниловъ“ отчаливаетъ, въ столовой появляется чай, любители карточной игры составляютъ партію, всё въ хорошемъ расположеніи духа. Оставимъ ихъ на время въ столовой, гдѣ всё такъ пріятно, гдѣ ухаживаютъ, кокетничаютъ, играютъ въ винтъ—все вмѣстѣ, не замѣчая ни качки, ни душнаго воздуха и заглянемъ что дѣлается теперь на морѣ: ночь темная, что называется—ни зги не видно, встрѣчный вѣтеръ рѣзко дуетъ въ лицо, по морю начинаютъ ходить волны...

Я помню одинъ мигъ когда меня вдругъ охватило непреодолимое желаніе бѣжать, бѣжать куда-нибудь далеко, далеко: такъ казалось душно, такъ все какъ будто надвигалось на меня, давило, точно вся эта пучина водъ душила меня, не давала вздохнуть... Я съ ужасомъ видѣла что бѣжать некуда, кругомъ все то же бушующее море...

Вотъ когда только стало понятно что значить разстаться съ берегомъ, вотъ оно это жуткое чувство. Это—начало морской болѣзни.

Пробужденіе наше встрѣтилъ ясный солнечный день въ Петровскѣ; мы всё были слабые, блѣдные, съ желтыми, зелеными лицами, а солнце такъ весело намъ улыбалось и хорошенькій живописный городокъ бѣлѣвшій у подножія громадной горы привѣтливо манилъ подъ густую тѣнь своихъ садовъ. „Ночью выдержали мы штормъ“, говорилъ капитанъ парохода, „пассажировъ немного потрепало“.

Любитель-фотографъ среди суеты перегрузки пароходовъ очень усердно хлопоталъ около своего фотографическаго аппарата. Мнѣ почему-то показалось что онъ думаетъ бросить въ воду „воспоминаніе о пріятномъ путешествіи“.

Въ Петровскѣ распростились мы съ „Корниловымъ“ и пересѣли на пароходъ „Князь - Бяратинскій“. Со враждебнымъ чувствомъ взглянули мы на красивый, недавно заново отдѣланный пароходъ; послѣ минувшей мучительной ночи мы съ ужасомъ представляли себѣ что придется намъ испытать за двое сутокъ безостановочнаго плаванія которое намъ предстоитъ. Одно хорошо только—это то что въ Петровскѣ стоять намъ около полутора сутокъ, все-таки, значить, можно отдохнуть, можно сойти на берегъ, гулять и чувствовать что подъ ногами твердая почва. Петровскъ—городокъ маленькій, но очень живописный, такъ мило пріютился онъ со своими маленькими бѣлыми домиками и зелеными садами у подножія горы, на берегу хоть и недобраго для насъ, но все же красиваго моря. Полтора сутокъ пролетѣло незамѣтно: на „Бяратинскомъ“ оказа-

лось пианино, среди пассажиров нашли недурные музыканты, вот и некогда было скучать. Въ магазинах многіе легко-вѣрные запаслись коньякомъ, портвейномъ, какими-то цѣлебными конфетами и прочими средствами предохраняющими отъ морской болѣзни, но—увы!—только въ воображеніи неопытныхъ мореплавателей. На дѣлѣ же только капитанъ парохода, необыкновенно заботливо относящійся къ своимъ пассажирамъ, сумѣлъ оберегать насъ отъ вреднаго вліянія качки. Какъ опытный мореплаватель, онъ, во-первыхъ, уже однимъ своимъ спокойнымъ, добрымъ, веселымъ видомъ вскорѣ успѣлъ разогнать весь страхъ, потомъ слѣдилъ за тѣмъ чтобъ и въ каютахъ и на рубкѣ было какъ можно больше воздуха, для чего устроены были особыя трубы накачивающія воздухъ, и, наконецъ, всѣхъ приглашалъ сидѣть непремѣнно все время на верху парохода, на трапѣ, въ рубкѣ только кушать, а въ каютахъ спать.

8-го, въ 2 часа дня, распростились мы съ укротнымъ уголкемъ Кавказа. Послѣдніе звуки пѣсни „бача“ который являлся развлекать насъ на пароходѣ: „ты монетка моя, золотистая, это лучше чѣмъ конфетка леденистая“ подъ акомпанементъ бубна еще долетали до нашего слуха, а колеса уже работали, и мы снова были во власти моря. Но на этотъ разъ судьба смилостивилась надъ нами: шторма не было, обошлось безъ сильной качки, а слабая на трапѣ переносится очень легко. Даже двое крошечныхъ пассажировъ, совершенно обезсилѣвшихъ отъ морской болѣзни на „Корниловѣ“, тутъ, развалясь въ большомъ креслѣ капитана, сразу почувствовали себя прекрасно и вскорѣ своимъ веселымъ смѣхомъ и милою болтовней оживляли весь пароходъ. Мы шли скорѣе положеннаго и рано 10-го августа проснулись въ Узунъ-Ада.

Поѣздъ отходить только въ 6^{1/2} ч. вечера; поэтому весь день былъ свободенъ, и мы мечтали посвятить его на обзорѣніе города или на загородную прогулку, но пришлось жестоко разочароваться. Въ Узунъ-Ада Каспійское море граничитъ съ песчанымъ и только вокзалъ да нѣсколько жалкихъ домишекъ нарушаютъ хоть немного это грустное, гнетущее впечатлѣніе песчаной степи. Не видно ни кустика, ни травки, нѣтъ, конечно, улицъ, нѣтъ извозчиковъ. Какое-то тяжелое, тоскливое чувство сжимаетъ сердце при видѣ этого жалкаго города. Мы, конечно, остаемся на „Барятинскомъ“ и только передъ самымъ отходомъ поѣзда съ сожалѣніемъ расстаемся съ пароходомъ и любезнымъ его капитаномъ.

II. Закаспійская желѣзная дорога.

Осторожно двигаясь между рядами Персовъ, съ какимъ-то страшнымъ ревомъ катящихся массу сорокапудовыхъ колесъ для желѣзной дороги, сходимъ мы съ парохода и пѣшкомъ отправляемся на вокзалъ, такъ какъ другихъ способовъ передвиженія нѣтъ. Сзади насъ цѣлая команда матросовъ тащитъ на рукахъ наши чемоданы, корзинки, подушки, узелки и пр. Идти приходится довольно далеко; хорошо еще что къ вокзалу продѣланъ тротуаръ и не приходится тонуть въ сыпучемъ пескѣ. Только - что передъ нами въ Узунъ-Ада было сильное землетрясеніе и потому видъ его сталъ еще болѣе жалокъ. Дома разрушены, жители всѣ въ страхѣ, солнце палитъ, а несчастные люди, не имѣя гдѣ отъ него укрыться, лежатъ на раскаленномъ пескѣ изнывая отъ жары. Бѣдные дѣти не находятъ себѣ покоя. Грустная картина!.. Но вотъ и вокзалъ. Издали еще видѣны рядъ бѣлоснѣжныхъ вагоновъ. Мы спѣшимъ, и черезъ нѣсколько минутъ мы въ вагонѣ и очень пріятно поражены тѣмъ что нѣтъ и подобія тѣхъ ужасовъ которые слышали мы про эту дорогу. Вагоны очень чистые, въ третьемъ классѣ скамейки, во второмъ на тѣ же скамейки положены тиковыя подушки; стѣны обиты клеенкой. Прежнихъ двухъ-этажныхъ вагоновъ давно уже нѣтъ. Пассажировъ мало, поэтому вполне просторно. Вотъ раздался послѣдній свистокъ, и поѣздъ тронулся. Тихо-тихо двигаемся мы по совершенно узкой насыпи, словно нарочно сдѣланной по ширинѣ рельсовъ, кругомъ вода, картина очень оригинальная; насыпь низенькая, почти наравнѣ съ водой, и поѣздъ двигается совершенно по морю. Наконецъ, мы минуемъ море и вначалѣ глазамъ представляется та же грустная картина которую мы только-что видѣли въ Узунъ-Ада. Тѣ же безотрадные пески. У самаго полотна желѣзной дороги съ обѣихъ сторонъ возвышаются песчаныя горы, единственнымъ украшеніемъ которыхъ служатъ уродливые кусты саксаула. Жалкое это растеніе при всей своей неуклюжести весьма полезно въ этомъ краѣ: у него огромные корни, настолько крѣпкіе что срубить такой кустъ нѣтъ возможности, можно только вырвать. Эти-то корни представляютъ прекрасное топливо, но пришлось запретить пользоваться имъ, такъ какъ корни саксаула связываютъ пески и въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ихъ выкапываютъ гора осыпается и грозитъ опасностью желѣзной дорогѣ.

Публика въ вагонѣ уже начинаетъ знакомиться между собой. Молодая дама изъ Узунъ-Ада описываетъ всѣ ужасы жизни въ этомъ несчастномъ городѣ. „Ничего у насъ нѣтъ, воды даже не имѣемъ, говоритъ она: — привезутъ воду и покупаемъ по ведрамъ и часто въ ожиданіи ея умираемъ отъ жажды, да кромѣ того сырую воду пить вредно — остудить невозможно, льда нѣтъ, а жаръ страшный, испортится прежде чѣмъ остынетъ.“ Подъ эти разговоры, сладко убаюкиваемые легкою качкой поѣзда, мы засыпаемъ съ радостнымъ сознаніемъ что намъ не жить въ этихъ убогихъ мѣстахъ и что какъ ни медленно, но все же увозить насъ поѣздъ въ другія страны, страны богатые своею растительностію, своею природой. На другой день при пробужденіи насъ пріятно поражаетъ то что картина совершенно измѣнилась: песчаныя горы давно уже кончились, во время нашего сна мы поровнялись уже съ другими горами, съ хребтомъ Копетдахъ, составляющимъ нашу естественную границу съ Персіей, и вотъ благодаря этимъ горамъ явилась возможность оросить эту бѣдную землю. Прорыли каналы, потекла съ горъ вода, арыки, какъ здѣсь называютъ, и земля ожила; съ жадностію пьетъ она эту тихо журчащую чистую прозрачную воду, и тысячамъ, миліонамъ жизней даетъ она силу; вотъ высится стройный тополь, тамъ раскинула свои вѣтви душистая акація; начались посѣвы, цѣлыя поля ячменя, джугары. (Овесъ тутъ не сѣютъ и лошадей кормятъ ячменемъ; джугара тоже отличная пища для скота, въ родѣ нашей кукурузы). Это мы проѣзжаемъ Ахаль-текинскій оазисъ который начинается со станціи Кизиль-Арватъ. Мы были на этой станціи ночью и потому не пришлось намъ и увидеть домикъ Скобелева который находится вблизи станціи. Впрочемъ, снаружи, говорятъ, онъ представляетъ мало интереснаго, внутри же вся обстановка осталась до малѣйшей мелочи безъ измѣненія.

Въ населеніи этого оазиса, мирно обрабатывающемъ землю, трудно узнать тѣхъ разбойниковъ Ахаль-Текинцевъ которые своими отчаянными набѣгами наводили ужасъ на Персовъ, грабили и убивали, между тѣмъ какъ жены ихъ въ тиши аула мирно проводили время за тканьемъ ковровъ, вполголоса напѣвая заунывную пѣсню да фантазируя замысловатый узоръ. Все съ тѣхъ поръ перемѣнилось: вмѣсто безводной песчаной степи явилась мѣстность богато орошенная, покрытая растительностію, вмѣсто разбойниковъ — мирные жители; но за то и чудные текинскіе ковры отходятъ уже въ область преданій.

Какъ ни смирили себя подъ вліяніемъ новыхъ условий жизни Текинцы, все же въ нихъ сказывается отчасти дикая кипучая кровь отцовъ и дѣдовъ и плугъ не можетъ удовлетворить ихъ. Ихъ жизнь проходитъ на конѣ, а жены поэтому принуждены заниматься хозяйствомъ. Текинки—хорошія женщины, тихія, покорныя, трудолюбивыя, вѣчно за дѣломъ; въ свободное время онѣ и теперь не оставляютъ тканье ковровъ, но когда-то громадное производство это теперь обратилось въ ничтожное. Поэтому и дорожаютъ такъ эти ковры.

Въ 10 ч. утра поѣздъ подходилъ къ станціи „Келята“. Выглянувъ изъ окна вагона вы забываете на минуту гдѣ вы. Тѣнистый садъ, роскошный цвѣтникъ, фонтанъ—все это такъ похоже на наши столичныя окрестности что къ вамъ невольно подкрадывается сомнѣніе: да полно, дѣйствительно ли ѣдете вы по той самой Закаспійской желѣзной дорогѣ про которую разказывали столько ужасовъ что вы думали будто ее невозможно проѣхать не задохнувшись отъ жары и песка? Да, все это было такъ, но неутомимая энергія и искусство совершили сказочные перевороты. Теперь благодаря обилію воды и растительности жара здѣшняя переносится легко; вы выходите на открытое мѣсто, и солнце жжетъ васъ нестерпимо; но стоить только свернуть въ алею, и въ тѣни этихъ гигантовъ-тополой вы тотчасъ чувствуете прохладу и пріятную свѣжесть воздуха. За „Келятой“ станція „Геопъ-Тепе“: изъ окна видна знаменитая крѣпость Геокъ-Тепе; стѣны только мѣстами попорчены, но все же и теперь видно какъ были онѣ громадны,—на нѣсколько верстъ тянутся онѣ. Такъ вотъ то самое мѣсто гдѣ когда-то отчаянно дрались тысячи людей! Сколько крови пролилось на томъ мѣстѣ гдѣ теперь спокойно катится поѣздъ желѣзной дороги! Два памятника видимые съ поѣзда напоминаютъ намъ объ этихъ тяжелыхъ дняхъ. Вблизи крѣпости мирно расположился аулъ; посѣвы тутъ уже все больше разнообразятся; сѣютъ и кукурузу, и просо, и арбузы; начинаются виноградники и персиковыя деревья. На одной изъ маленькихъ станцій продаютъ виноградъ и персики; все баснословно дешево: виноградъ по 2 к. фунтъ, персики дешевле чѣмъ по грошу штука. Къ окну тянутся женскія руки съ ведромъ винограда: „Купите, барыня, винограда“. Женщина—русская; мы заговариваемъ съ ней и узнаемъ что она здѣшняя жительница; мужъ ея былъ рабочій и строилъ эту дорогу, да такъ тутъ и поселились. И много тутъ Русскихъ живутъ и чувствуютъ себя вполне счастливыми. Съ фруктами этими слѣ-

дуетъ быть весьма осторожными; передъ вами сочный ароматный персикъ, только-что сорванный съ дерева, персикъ, о прелести котораго вы и понятія не имѣете, покупая въ столицѣ за большія деньги всегда какіе-то полусырые которые такъ и гніютъ не доспѣвъ. Ароматъ зрѣлаго персика невольно соблазняетъ путешественника, особенно въ жаркій день; но берегитесь взять его тотчасъ въ ротъ: на всемъ протяженіи Закаспійской желѣзной дороги слѣдуетъ очень остерегаться заразы. Туземцы сильно болѣютъ всевозможными мѣстными заразными болѣзнями; часто на станціяхъ приходится видѣть русскихъ дамъ и мужчинъ съ лицами обезображенными „пендинкой“, „сартскою болѣзью“ и прочими мѣстными болѣзнями. Поэтому всякую вещь слѣдуетъ тщательно мыть въ кипяченой водѣ или съ персика, напримѣръ, снять кожу.

Въ полдень мы въ Асхабадѣ. На станціи тоже прелестный садъ съ аллеями пирамидальныхъ тополей и бѣлой акаціи; прогулять можно съ удовольствіемъ. На Закаспійской дорогѣ нѣтъ надобности на большихъ станціяхъ спѣшить въ буфетъ, такъ какъ въ поѣздѣ есть кухня съ довольно порядочнымъ поваромъ и вагонъ-столовая.

На станціяхъ бросаются въ глаза воинственные фигуры Текинцевъ въ оригинальной военной формѣ. Вглядываясь въ полныя отваги, мужественныя, загорѣлыя лица вы переноситесь воображеніемъ въ минувшее и видите передъ собою отчаянный бой подъ Геокъ-Тепе. Да, эти люди когда-то отчаянно дрались съ нами, а теперь, составляя мѣстную милицію, они заботливо оберегаютъ прежнихъ враговъ своихъ „Урусовъ“. Часовъ около 6 вечера со станціи „Душакъ“ распростились мы съ съ хребтомъ „Копетдахъ“ который такъ много сдѣлалъ добра Ахаль-текинскому оазису, а въ девятомъ часу мы проѣзжаемъ первую рѣчку „Теджекъ“, и начинается оазисъ Мервскій. Самый Мервъ мы проѣдемъ ночью, часа въ 2; не увидимъ и знаменитый аулъ текинки Нуръ-Верды, про которую говорятъ что, пользуясь большимъ вліяніемъ среди Текинцевъ, она играла не малую роль при взятіи Мерва, уговаривая сдаться. Поэтому популярность ея среди Русскихъ очень велика, и ея хорошенькій голубой домикъ часто раскрываетъ свои гостепріимныя двери для русскихъ гостей, для которыхъ специально отдѣлана одна комната въ старинномъ русскомъ вкусѣ. Недалеко отъ Мерва, въ одной верстѣ отъ станціи Байрамъ-Али, находится имѣніе Государя „Мургабъ“ со своими чудными фисташковыми и каштановыми аллеями. Но мы все

это просыпаемъ, а при пробужденіи насъ ожидаетъ опять унылая картина сыпучихъ песковъ, подобныхъ Узунъ-Ада. Порою, правда, вдали извивается передъ вами рѣчка или блеститъ озеро, лѣсъ зеленѣетъ, васъ такъ и манитъ туда, но... то миражъ. Въмѣсто Текинцевъ мы видимъ теперь Киргизовъ и Туркменъ, впрочемъ, схожихъ съ Текинцами. „Какъ живутъ эти люди среди такой бѣдной природы? Чѣмъ питаются они?“ невольно спрашиваешь себя. Мы, Русскіе, были бы положительно несчастны среди такой обстановки, но этимъ народамъ большую службу служить въ этомъ отношеніи ихъ умѣренность въ пищѣ и невзыскательность. Туркменъ, Текинецъ, Сартъ или Персъ питаются одинаково скудно: горсть риса, дыня да лепешка—вотъ и вся пища человѣка рабочаго, расходующаго много силъ; разъ въ недѣлю, въ пятницу, праздникъ ихъ, баранина, изъ которой готовится жирный пилавъ. Лепешки ихъ пекутся изъ черной пшеничной муки; сдѣлаютъ изъ тѣста комокъ какой-то и прямо бросаютъ въ печь—вотъ и лепешка.

Передъ Чарджуемъ, часовъ около 11, опять появляется богатая растительность. Поѣздъ стоитъ въ Чарджуѣ около часа, парные извозики прекрасные и мы ѣдемъ кататься, осматривать городъ. Многіе наши уѣздные города могли бы позавидовать Чарджуе. Прекрасный городской садъ, въ саду церковь, много хорошихъ магазиновъ, есть порядочная гостиница; масса дынь которыя особенно славятся. Городъ расположенъ на берегу Аму-Дарьи и отѣхавъ отъ станціи приходится переправляться черезъ рѣку по длинному деревянному мосту въ 4 версты. Эта переправа совершается очень торжественно: мостъ находятъ недостаточно надежнымъ, и потому сначала отправляется кондукторъ для освидѣтельствованія и идетъ впереди поѣзда; локомотивъ мѣняють, прицѣпляютъ меньшихъ размѣровъ, и поѣздъ идетъ совершенно тихо. Миновали Аму-Дарью и снова станціи три сыпучихъ песковъ; лошадей которыя такъ были хороши подъ удалцами-Текинцами совсѣмъ уже не видно; ихъ замѣнили маленькіе ослы на которыхъ толстые Бухарцы и Сарты въ своихъ яркихъ шелковыхъ халатахъ, составляющіе мѣстное населеніе начиная съ Чарджуя, выглядятъ очень смѣшно. Тамъ и сямъ виднѣются стада верблюдовъ и слышится ихъ отчаянный вой.

Это уже послѣдніе пески которые приходится намъ проѣзжать; миновали ихъ—и снова поля дынь и арбузовъ, рисовыя поля, красивыя рощи, и наконецъ въ 5 ч. дня мы въ столицѣ, въ Бухарѣ. Къ сожалѣнію, говорятъ, съѣздить осмотрѣть го-

родъ мы не поспѣемъ, такъ какъ онъ далеко отъ станціи, да въ сущности и интереснаго, по словамъ мѣстныхъ жителей, немного.

Всѣ мы находимся въ томительномъ ожиданіи Самарканда, про который приходилось слышать такъ много восторженныхъ отзывовъ и на знакомство съ которымъ думаемъ посвятить нѣсколько дней. Последнюю ночь проводимъ мы на Закаспійской желѣзной дорогѣ, отъ которой хотя наконецъ и утомились, конечно, порядочно, но все же справедливость требуетъ отдать ей должное: дорога очень удобная и интересная.

Въ 7 ч. утра 13-го августа поѣздъ остановился въ Самаркандѣ, послѣ 1344 верстъ пути которыя мы проѣхали въ 2½ сутокъ.

Ольга Лобри.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ Сорокъ Четвертый.)

1899.

АПРѢЛЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

	Стр.
I. ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ. Князя Д. Н. Цертелева.	403
II. РУССКІЕ ВЪ ЧЕХІИ ВЪ ХVIII И ВЪ НАЧАЛѢ XIX СТ. В. А. Францева.	406
III. ПОЛЕВОЙ ЦВѢТОКЪ. Повѣсть. I—V. Княгини М. В. Волконской.	423
IV. УПАДОКЪ ПРАВОСЛАВНАГО ПРИХОДА (XVIII — XIX вѣка). Историческая справка. III. Царствованіе императрицы Екатерины II. А. А. Панкова.	450
V. „ЛУННЫЙ ЛУЧЪ СКВОЗЬ СТЕКЛА ОКОНЪ“... Стихотвореніе. Б. Довойна.	468
VI. НАМѢСТНИКЪ. Историческій романъ изъ временъ XVI вѣка. XIII—XVII. А. А. Осипова.	469
VII. БИСМАРКЪ ВЪ СВОИХЪ ВОСПОМИНАНІЯХЪ. (Окончаніе). Е. Г. Г.	501
VIII. UNA NINA. Разказъ. I—VIII. Графа Е. А. Саліаса.	525
IX. СВОБОДА ВОЛИ И ОТВѢТСТВЕННОСТЬ. По поводу теоріи Ломброзо: I. Свобода воли и законъ причинности. II. Матеріализмъ и нравственность. III. Преступленія у животныхъ. IV. Преступленія у дикихъ народовъ. Князя Д. Н. Цертелева.	557
X. ИЗЪ КРЫМСКИХЪ ПЪСЕНЪ. 1—9. Стихотворенія. М. Д. Языкова.	574
XI. ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА. Разказъ Ференца Герцга. Съ венгерскаго.	580
XII. ОТЪ АСТРАХАНИ ДО МАРГЕЛАНА. Путевые наброски. Августъ 1895 года. III. Самаркандъ. IV. На почтовыхъ. О. П. Лобри.	601
XIII. UNSER KARL. Разказъ Бретъ-Гарта. Съ англійскаго.	613
XIV. ЖИТЬ, ИЛИ НЕ ЖИТЬ? Стихотвореніе. В. А. Кожевникова.	631
XV. ЛЕОНАРДО ДА-ВИНЧИ ПО НОВѢЙШИМЪ ИЗСЛѢДОВАНІЯМЪ. О-ва.	635
XVI. ПО ПОВОДУ РЕЦЕНЗІИ НА МОЙ ТРУДЪ О СЛАВЯНСКИХЪ ПЕРВОУЧИТЕЛЯХЪ. Проф. П. А. Лаврова.	658
XVII. СМѢСЬ.	662
XVIII. БИБЛІОГРАФІЯ.	671
XIX. СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ. } (См. 4-ю стр. обложки).	743
ПРИЛОЖЕНІЯ:	
XX. МИЛІОНЕРЫ. Романъ Ф. Мура. Съ англійскаго. Главы XIX—XXIV.	
XXI. НА СКОЛЬЗКОМЪ ПУТИ. Романъ Антони Гопа. Съ англійскаго. Главы IX—XI.	

ОТЪ АСТРАХАНИ ДО МАРГЕЛАНА.

(ПУТЕВЫЕ НАБРОСКИ *).

Августъ 1895 года.

III.

Самаркандъ.

Пять дней проведенныхъ въ Самаркандѣ промелькнули какъ очаровательный сонъ, и мы рѣшительно не успѣли опомниться какъ пришлось усаживаться въ тарантасъ. Много приходилось мнѣ путешествовать, но ни одинъ городъ никогда не производилъ на меня такого сильнаго впечатлѣнія какъ этотъ небольшой азіатскій городокъ. Есть въ немъ что-то до того чарующее что невольно поддаешься этому очарованію и каждый день точно развертывается передъ вами новая страница сказокъ Шехерезады; вы съ жадностію хватаетесь за нее и прочитавъ ждете новой и новой, а все прочитанное туманомъ застилаетъ вамъ мысль.

Именно нѣчто подобное испытала я въ свое пребываніе въ Самаркандѣ. Что-то сказочное, фантастическое господствуетъ въ немъ. На городъ это и не похоже. Это—большой чудный лѣсъ гигантскихъ деревьевъ съ одуряющимъ ароматомъ душистой акаціи во всѣхъ ея разновидностяхъ. Въ этомъ лѣсу тутъ и тамъ разбросаны постройки. Вы идете по лѣсу, упиваетесь его ароматомъ, надъ вами синее дивнаго цвѣта небо, по сторонамъ тихо журчатъ прозрачные ручейки, и вамъ не вѣрится что это „городъ“. Низенькіе сѣрые домики скромно прячутся въ зелени какъ бы боясь нарушить цѣльность вне-

*) Продолженіе, см. *Русскій Вѣстникъ*, февраль, 1899 г.

чатылїя. А въ противоположность имъ на другомъ концѣ города возвышаются грандіозныя художественныя постройки въ азіятскомъ вкусѣ: башни, мечети, медресы (вышїя азіятскія школы)—все очень тонкой мозаичной работы. Единственный матеріалъ—глина, а иногда даже трудно повѣрить глядя на какую-нибудь словно кружевную, ажурную рѣшетку что она не изъ метала. Полуразрушенный дворецъ Тамерлана такъ величественъ и граціозенъ что оторваться нельзя. Много святынь мусульманскихъ посѣтили мы; жаль только что не было настолько свободнаго времени чтобы лучше ознакомиться съ ихъ исторіей, да и не всѣ проводники настолько образованы чтобы дать всѣ нужныя свѣдѣнія. Обыкновенно Сарты, избирающіе эту професію, выучиваютъ только названія достопримѣчательностей, но за то на нѣсколькихъ языкахъ; нашъ проводникъ, услыхавъ что мы говоримъ по французски, называлъ намъ: „palais, église, école“ и т. д.

Одна изъ наиболѣе почитаемыхъ мѣстныхъ святынь, могила Даніара, находится за городомъ въ очень живописномъ горномъ ущельѣ. Про эту гробницу сложилась такая легенда: Даніаръ, будучи похороненъ, все росъ и гробница его съ каждымъ годомъ становилась по волѣ Аллаха все больше и больше, но Урусъ-Тюра (русскій полководецъ) Черняевъ „заговорилъ“ его, какъ выражаются Сарты, и гробница въ одну ночь стала маленькою. Это было предвѣстникомъ большихъ бѣдствій для Самарканда, и дѣйствительно на другой день онъ былъ взятъ русскими войсками.

Очень живописенъ сартскій базаръ: масса ковровъ, яркія шелковыя матеріи, все это разбросано въ живописномъ безпорядкѣ на открытомъ воздухѣ, а Сарты въ своихъ красивыхъ цвѣтныхъ шелковыхъ халатахъ съ чалмами на головахъ верхомъ на ослахъ дополняютъ своеобразную прелесть картины.

Православная церковь въ Самаркандѣ всего одна, очень низенькая и небольшая, тоже спрятанная со всѣхъ сторонъ въ зелени. Странный контрастъ представляетъ этотъ православный храмъ съ окружающими его величественными мечетями. Воображеніе невольно переноситъ въ далекое прошлое, къ первымъ вѣкамъ распространенія христіанства и какое то необыкновенно хорошее, теплое чувство испытываете вы, входя въ эту маленькую, бѣдную церковь.

Парки въ Самаркандѣ, и старый и новый, очень хороши, особенно одинъ (не помню, который именно) расположенный

въ чрезвычайно живописной гористой мѣстности. Хорошъ также и губернаторскій садъ, любезно открытый для всѣхъ желающихъ погулять въ немъ и полюбоваться на роскошный цвѣтникъ и рѣдкія породы деревьевъ которыхъ въ немъ не мало. Тутъ увидите вы и нашу милую сѣверянку—сосенку, надъ которою не мало пришлось потрудиться чтобы не сгорѣла она отъ слишкомъ горячей ласки туркестанскаго солнца. Тутъ же Сартъ - садовникъ покажетъ вамъ и образцовый фруктовый садъ гдѣ рядомъ съ мѣстною гордостью—персикомъ—встрѣтите вы и антоновское яблоко вывезенное изъ Европейской Россіи. Огромные дюшесы, сливы, айва, виноградъ, все это растетъ въ такомъ изобиліи что цѣлыя горы чудныхъ фруктовъ такъ и гниютъ лежа на землѣ, и если вы съ непривычки выразите удивленіе что пропадаютъ понапрасну такіе вкусные плоды, вамъ предложить тотчасъ же взять сколько угодно съ любого дерева, потому что съ плодами этими здѣсь рѣшительно не знаютъ что дѣлать, и кто имѣетъ свиней, тотъ кормитъ ихъ преимущественно персиками, абрикосами и т. п. рѣдкими для насъ, сѣверянъ, фруктами. На улицахъ Самарканда какъ и вездѣ въ Туркестанѣ тоже часто встрѣчаются фруктовые деревья дарящіе прохожихъ сочными плодами; но надо отдать справедливость Самарканду, подобныхъ фруктовъ ни въ одномъ туркестанскомъ городѣ вы не встрѣтите. Персики и дюшесы до того нѣжны и сочны что ихъ буквально пьютъ, а не ѣдятъ, виноградъ тоже сочный, крупный, по $\frac{1}{2}$ вершка ягода, необыкновенно ароматный и въ то же время нѣжный; кожи словно совсѣмъ нѣтъ, сѣмечекъ тоже почти нѣтъ, а особый мѣстный сортъ винограда мускатъ имѣетъ совершенно ароматъ хорошаго вина. Все это дешево до невѣроятія: персики, напримѣръ, по грошу штука самые лучшіе и крупные, виноградъ по 1 к. фунтъ.

Магазиновъ въ городѣ немного, но есть хорошіе гдѣ все можно достать; гостиница „Франція“, гдѣ мы останавливались, очень чистая, хорошая, поваръ прекрасный и цѣны сравнительно недорогія. Извозчики, какъ и вездѣ въ тѣхъ краяхъ, парные съ хорошими крытыми фаэтонами, а булки и сухари такіе что филипповскому печеню не уступать. Съ утра раздается по улицамъ: „булки горячія!“ и разнощики-Сарты одинъ передъ другимъ стараются соблазнить покупателя лимоннымъ хлѣбомъ, слоенками и прочими произведеніями хлѣбнаго искусства.

IV.

На почтовыхъ.

Собственно отъ Самарканда до Маргелана 480 верстъ, но намъ предстояло сдѣлать крюкъ слишкомъ во 100 верстъ чтобы заѣхать въ Ташкентъ. Помнится что до Ташкента верстъ около 300, а отъ Ташкента до Маргелана 350; весь путь на лошадяхъ, значить, слишкомъ въ 600 верстъ. Въ путешествіи на почтовыхъ я была не новичокъ, такъ какъ проѣхала по Сибири 1300 верстъ отъ Тюмени до Семипалатинска и вынесла изъ этой поѣздки одно пріятное воспоминаніе.

Знакомый звукъ колокольчиковъ и видъ запряженного тарантаса живо воскресили въ моей памяти милую Сибирь, и я въ самомъ веселомъ расположеніи духа вышла на крыльцо усаживаться въ тарантасъ. Это было ровно въ полдень 18 августа. Сартъ-ямщикъ дико крикнулъ на лошадей, и мы тронулись въ путь. Вскорѣ же пришлось мнѣ жестоко разочароваться въ пріятности этого путешествія. Не „по-сибирски“ ѣздить въ Туркестанъ: лошади заморенныя, дороги ужасныя, тарантасовъ хорошихъ нѣтъ. Мы имѣли до Ташкента прокатный тарантасъ считавшійся хорошимъ, но и этотъ хорошій такъ растрясъ намъ всѣ бока что ужасъ. Едва отъѣхавъ нѣсколько верстъ отъ Самарканда, намъ пришлось переправиться въ бродъ черезъ Заравшанъ. Маленькая рѣчонка эта, съ вида совсѣмъ мелкая, доставляетъ много непріятностей и неудобствъ. Въ тарантасѣ переправа невозможна, приходится пересаживаться на арбу. Этотъ мѣстный экипажъ (одноконный) представляетъ изъ себя нѣчто въ родѣ телѣги, но на двухъ неимоверной величины колесахъ. Сартъ чтобы править сидитъ всегда верхомъ на лошади, ноги на оглобляхъ. Для непривычнаго глаза зрѣлище это представляется очень комичнымъ. Взбираться на такую арбу тоже не легко, но намъ была приготовлена лѣстница по которой мы и взобрались какъ на эшафотъ и, усѣвшись на цѣлую гору подушекъ, въѣхали въ Заравшанъ. Рѣка эта имѣетъ до того быстрое теченіе что одна заморенная сартская лошаденка не въ силахъ съ нею справиться, и на переправу которая, казалось, требуетъ пяти минутъ времени мы употребили полтора часа. До берега, кажется, рукой подать, вотъ-вотъ еще одинъ шагъ и сейчасъ будемъ на берегу, а быстрое теченіе уноситъ насъ все внизъ и внизъ.

Дно покрыто камнями, такъ и стучить по нимъ арба, такъ и ворочаются они подъ ногами лошади; трясетъ неимоვნно: и лошади и мы рѣшительно выбились изъ силъ, а сзади насъ, весь въ водѣ, двигается нашъ тарантасъ.

Пріятное чувство испытали мы когда выбрались, наконецъ, на берегъ и снова могли пересѣсть въ свой тарантасъ наскоро обтертый Сартомъ. До первой станціи (Джимбай) добрались мы только къ четыремъ часамъ, хотя она всего въ 20-ти верстахъ отъ Самарканда.

Лошадей, объявили намъ, ждать придется часа три: вотъ оно удовольствіе ѣзды на почтовыхъ по Туркестану! Отъ нечего дѣлать мы просмотрѣли жалобную книгу, и картина туркестанскихъ путешествій нарисовалась намъ очень ярко. Незадолго до насъ ѣхавшій въ Самаркандъ проѣзжій истощившій все свое терпѣніе на предыдущихъ станціяхъ рѣшился на этой лучше покончить съ путешествіемъ на почтовыхъ и предпочелъ проѣхать 20 верстъ на арбѣ чѣмъ опять ждать. Разставаясь съ ѣздою на почтовыхъ онъ въ жалобной книгѣ далъ живой разказъ всѣхъ своихъ злоключеній. Разумѣется, на насъ, начинающихъ путь, чтеніе это не могло подѣйствовать благотворно.

Уныло бродили мы изъ стороны въ сторону по пыльной дорогѣ чтобы какъ-нибудь убить время въ ожиданіи лошадей. Окружающая природа тоже не наводила на веселыя мысли: кругомъ какъ-то пусто, мертво...

Въ этотъ день удалось намъ проѣхать еще только двѣ станціи въ 20 и 15 верстъ, и въ 11 часовъ, совершенно измученные, разбитые, остановились мы въ Сарайлыкѣ на ночлегъ, отѣхавъ отъ Самарканда всего 55 верстъ.

Подѣзжая къ станціи мечталось, конечно, о чистомъ, уютномъ домикѣ съ мягкими диванами и хотя незатѣйливымъ, но вкуснымъужиномъ; какъ бывало, въ Сибири, въ казачьихъ станицахъ. Нѣтъ, здѣсь ожидало насъ не то: диваны на туркестанскихъ станціяхъ въ большинствѣ каменные (ихъ прямо дѣлаютъ строя домъ), сверху покрытые лишь какимъ-нибудь войлокомъ; но не только этотъ войлокъ, а никакой матрацъ не въ силахъ смягчить дѣйствія этого камня на разбитые тряскою бока; а вмѣсто ужина нашли мы скорпіона которому мы сами послужили бы хорошимъ угощеніемъ, если бы не замѣтили во-время. Прочитавъ въ *Историческомъ Вѣстникѣ* какъ разъ передъ отѣздомъ въ Туркестанъ „Воспоминанія о Туркестанѣ“ Полторацкаго, мы были уже напуганы его разка-

зомъ о скорпіонахъ и, входя въ довольно грязный, темный домъ станціи, высказали старостѣ опасеніе непріятной встрѣчи со скорпіономъ. „Нѣтъ-съ, будьте покойны“, отвѣчалъ онъ; но едва внесли въ комнату лампу какъ глазамъ нашимъ сразу предсталъ на бѣлой глиняной стѣнѣ огромный черный скорпіонъ. По виду онъ похожъ на рака, только поменьше и, главное, болѣе тощій. Укусъ скорпіона бываетъ иногда смертеленъ. Ядъ заключается у нихъ въ хвостѣ, имъ-то они и жалятъ. Разумѣется, при каменныхъ диванахъ и скорпіонахъ сонъ остался только мечтою и съ разсвѣтомъ, нисколько не отдохнувъ, мы пустились въ дальнѣйшій путь; за то проѣхавъ двѣ станціи, 42 версты всего, мы оказались въ маленькомъ городкѣ Джизакѣ гдѣ имѣется колониальный магазинъ съ кое-какими консервами, виномъ, пивомъ и пр., а на станціи довольно чисто и скорпіоны не водятся. Тутъ мы немного отдохнули, утолили свой голодъ и потомъ, запасшись силами, ѣхали уже безостановочно до часа ночи, пользуясь тѣмъ что къ нашему счастью лошади были вездѣ на-лицо.

Въ 1 часъ ночи попавъ на станцію гдѣ лошади были всѣ въ разгонѣ мы остались ночевать, но уже умудренные горькимъ опытомъ предшествовавшей ночи, напившись на станціи чая, мы отправились ночевать въ свой тарантасъ, гдѣ не было ни скорпіоновъ, ни тяжелого станціоннаго воздуха. На разсвѣтѣ надо было спѣшить выѣздомъ.

Впереди путь былъ трудный: намъ предстояло ѣхать такъ-называемою голодною степью на которой ничего не растетъ, нѣтъ ни капли воды; поэтому, конечно, никто и не селится на такой судьбою обиженной землѣ. Этой дороги 130 верстъ, голая пустыня, солнце печетъ неимоვნно. Жилья не видно, станціи верстъ на 40 одна отъ другой, стоятъ одиноко посреди пустыни. Къ нимъ привозятъ все необходимое и въ томъ числѣ воду, но, конечно, привозятъ не часто, и потому бѣдствуютъ на станціяхъ ужасно. Ночью эту мѣстность проѣзжать лучше чѣмъ днемъ, но намъ не пришлось. Выѣхавъ со станціи въ 5 ч. утра мы ѣхали до слѣдующей (40 верстъ) 6 часовъ и потому попали въ самый жаръ. Воздухъ раскаленный, укрыться негдѣ, лошади изнемогаютъ и еле-еле передвигаютъ ноги. На станціи отдыхъ тоже плохой, воздухъ удушливый и потому мы предпочитали терпѣть всѣ невзгоды и спѣшить на отдыхъ въ Ташкентъ куда и прибыли 21 августа рано утромъ.

Ближе къ Ташкенту на станціяхъ вездѣ развѣшены на

стѣнахъ объявленія гласящія о томъ что за послѣдніе годы смертность отъ лихорадки страшно увеличилась, а потому жители призываются къ точному соблюденію всѣхъ правилъ предосторожности противъ этого туркестанскаго бича, къ употребленію хины и проч. „За послѣдніе 3 года, гласятъ объявленія,—поля остаются неубранными, потому что владѣльцы умерли или болѣютъ.“ Совѣтуется не лежать на землѣ, не пить сырой воды и проч.

Тяжело дѣйствуютъ на человѣка при вѣздѣ въ новую мѣстность такіа объявленія, а позднѣе, живя въ Туркестанѣ, пришлось и на личномъ опытѣ убѣдиться насколько тщетны всѣ эти усилія уберечься отъ тамошней злой лихорадки.

Въ Ташкентѣ провели мы 8 дней въ надеждѣ устроить себѣ опять тарантасъ до Маргелана, а также отдохнуть отъ дороги и ознакомиться со столицею Туркестана про которую такъ много говорятъ. Отъ дороги мы, конечно, отдохнули, но тарантаса такъ и не нашли; дороги таковы что страшно портятъ экипажи, а потому тотъ кто имѣетъ для себя другому ни за какія деньги не дастъ, а большинство ѣздитъ на перекладныхъ. Смотрѣть въ Ташкентѣ оказалось рѣшительно нечего. Городъ, правда, большой, но и претензій за то много, видно во всемъ стремленіе соперничать со столицами; магазины, дома, все это на столичный ладъ, а при этомъ городъ грязный и не симпатичный: нѣтъ и тѣни того пріятнаго впечатлѣнія какое производитъ Самаркандъ. Воздухъ въ Ташкентѣ гораздо хуже, чувствуется пронизывающая сырость; садъ всего одинъ и до того грязенъ и запущенъ что по немъ ходить нельзя, словомъ, городъ производитъ впечатлѣніе отжившей красавицы которая особенно хороша никогда не была, но во дни юности была въ модѣ и ей поклонялись, а на старости лѣтъ ужъ никакія румяна не въ силахъ ей помочь: прошло золотое время! И гостиницы въ Ташкентѣ гораздо хуже чѣмъ въ Самаркандѣ: тамъ просто и уютно, по-провинціальному, а здѣсь всѣ гостиницы смахиваютъ на столичные нумера низшаго разряда, съ общимъ заломъ съ органомъ. Столъ тоже конечно хуже, булки тоже разносятъ булочки, но всѣ онѣ съ отвратительнымъ вкусомъ и запахомъ бараньяго сала. Фрукты гораздо грубѣе самаркандскихъ; хороши только „касьяновскіе“ фрукты (по фамиліи извѣстнаго ташкентскаго старожилы въ честь котораго и одна изъ улицъ названа „Касьяновскою“ и у котораго въ саду лучшіе сорта фруктовъ), но ихъ рѣдко можно достать; названіе это сдѣлалось нарицатель-

нымъ синонимомъ „самаго лучшаго“ и каждый разнощикъ хваля свои фрукты непременно назоветъ ихъ „касяновскими“. Церквей въ Ташкентѣ 2: соборъ и военная.

29 августа, въ полдень, выѣхали мы изъ Ташкента и первую станцію проѣхали прекрасно въ извозищѣй коляскѣ. Въ 7 верстахъ отъ Ташкента находится недавно основанный женскій монастырь куда мы и заѣхали помолиться. Эта монашеская община очень небольшая, всего 17 монахинь, но хозяйство вполне благоустроенное, прекрасный фруктовый садъ и огородъ.

Основана община на средства частныхъ жертвователей преимущественно полковника Н служившаго въ Ташкентѣ который пожертвовалъ свою землю, а необходимыя деньги собрали въ кругу своихъ знакомыхъ.

Для Туркестанскаго края бѣднаго православными церквами это представляетъ весьма радостное явленіе.

Близъ самаго Ташкента мѣстность не дурная; красиво блестятъ на солнцѣ снѣговыя вершины Чемганскаго хребта—гордости ташкентцевъ. Сюда собираются лѣтомъ цѣлыя компаніи играть въ снѣжки. Но дальше къ Маргелану дорога представляетъ такъ же мало интереснаго какъ и между Самаркандомъ и Ташкентомъ. Нѣтъ того разнообразія мѣстности, того оживленія которое встрѣчается у насъ въ Европейской Россіи, гдѣ поля чередуются съ лѣсами да перелѣсками, величественныя села раскинулись тутъ и тамъ и издали блестятъ золотыми крестами своихъ церквей. А случится вамъ проѣхать вдоль деревни—жизнь видна, не то что здѣсь въ Туркестанѣ: Сарты живутъ замкнуто, жены ихъ, по закону, не должны показываться постороннимъ мужчинамъ, почему и выходятъ изъ дома не иначе какъ подъ чадрую (густой длинный вуаль изъ конскаго волоса). Халатъ съ длинными рукавами накинутый на голову скрываетъ всю фигуру Сартянки, а рукава эти безобразно раздуваются вѣтромъ. Такъ ходятъ Сартянки и въ Самаркандѣ, и въ Ташкентѣ, и во всемъ Туркестанскомъ краѣ. Жилища сартскія всегда обнесены со всѣхъ сторонъ высокою глиняною стѣной (по мѣстному „дуванъ“); поэтому когда проѣзжаете вы сартскую деревню или „кишлакъ“, какъ здѣсь называютъ, вы не видите ничего кромѣ этихъ сѣрыхъ глиняныхъ стѣнъ возвышающихся съ обѣихъ сторонъ. Такіе „кишлаки“ тянутся иногда на нѣсколько верстъ; улица кишлака всегда узкая, а арбы сартскія такъ велики и неуклюжи что проѣздъ по кишлаку очень затруднителенъ. Если прибавить еще осо-

бый специфическій запахъ сартскій составляющій смѣсь бараньяго сала, дыма отъ костровъ на которыхъ они готовятъ свой пилавъ, лука и всякихъ приностей, запахъ который такъ и стоитъ въ этихъ стѣнахъ, то вы получите, мнѣ кажется, полную картину сартскаго кишлака. Если кишлакъ большой, то онъ непременно съ базаромъ; базары обыкновенно бываютъ крытые, и въ этихъ узкихъ, длинныхъ коридорахъ которые кружатъ направо и налево воздухъ конечно еще тяжелѣе: дышать рѣшительно нечѣмъ, а отъ дикихъ сартскихъ криковъ кружится голова. Таковъ знаменитый сартскій базаръ въ такъ-называемомъ старомъ Ташкентѣ (верстъ 8 отъ новаго Ташкента) которымъ Ташкентцы такъ гордятся.

Разъ попавъ въ эти коридоры мы долго не могли оттуда выбраться, такъ какъ повернуть невозможно, и принуждены были часа два задыхаться, пока не проѣхали весь базаръ взадъ и впередъ. Самаркандскій базаръ представляетъ счастливое исключеніе тѣмъ что онъ открытъ и потому тамъ легко дышется, да и проѣздъ совершенно свободный, такъ какъ онъ расположенъ на площади, безо всякихъ коридоровъ.

Въ прежнія, хотя сравнительно не очень давнія, времена, говорятъ, много хорошаго можно было покупать на этихъ базарахъ. Теперь ковровъ очень мало и они сильно вздорожали, шелковыя матеріи тоже такъ дороги что въ Москвѣ можно купить дешевле, да и выборъ малъ. Китайскія вещи страшно дороги, тоже не дешевле чѣмъ въ Москвѣ или Петербургѣ. Осталось одно только—вышивки шелками по бархату и сукну. Это постоянное занятіе всѣхъ Сартянокъ продается не дорого и очень недурно для мебели. Не дурно дѣлаютъ Сарты и глиняную посуду въ родѣ маіолики, особенно блюда разноцвѣтныя, яркими узорами, но эти вещи хороши только въ Самаркандѣ, въ Ташкентѣ уже значительно грубѣе, а въ Маргеланѣ еще хуже. Вообще все мѣстное производство слабѣетъ; наши дешевыя бумажныя Морозовскія матеріи Сарты начинаютъ предпочитать своимъ канаусамъ.

Сарты страстные любители базаровъ; всегда лѣнныя, неподвижныя когда за дѣломъ, они на базарѣ оживляются, скачутъ верхомъ, кричатъ, шумятъ; цѣлый день рады они проводить на базарѣ; базаръ замѣняетъ имъ клубъ, замѣняетъ газету. Преимущественно собираются они въ такъ называемую „чай-ханэ“, т. е. въ чайныхъ лавкахъ, гдѣ сидя съ поджатыми ногами на широкихъ деревянныхъ скамьяхъ устланныхъ коврами они пьютъ чай, курятъ кальянъ и подчасъ накуриваются

гашишемъ до одурѣнія, часто играютъ въ простыя азартныя игры въ родѣ орлянки или незамысловатой карточной игры. Занимаются Сарты въ настоящее время всего больше разведеніемъ хлопка, поэтому и по дорогѣ всего чаще попадаются огромныя поля хлопка, рисовыхъ полей значительно меньше, а остальное: ячмень, кукуруза, джугара, клеверъ и пшеница сѣются въ очень ограниченномъ количествѣ, съ каждымъ годомъ все меньше.

Хлопокъ все вытѣснилъ: онъ давалъ Сартамъ богатую наживу, и потому всѣ они набросились на хлопокъ, и дѣйствительно Сарты богатѣли, а Русскимъ жить становилось все труднѣе. Самаго необходимаго нѣтъ въ продажѣ, а привезутъ немного, такъ продаютъ втридорога противъ прежняго. Въ Маргеланѣ иногда весь городъ сидитъ безъ хлѣба за отсутствіемъ муки. Рожь тамъ не растетъ вовсе, а растетъ плохая пшеница, поэтому хорошую пшеничную муку доставляютъ изъ Европейской Россіи: 1-й сортъ обходится 4 р. — 4 р. 40 к. пудъ. Около Самарканда пробовали воздѣлывать хорошіе сорта пшеницы, привозили въ Маргеланъ эту самаркандскую муку, но она плоха, а обходится все же не дешево, такъ какъ перевозка лошадьми дорога; крупы всѣ, кромѣ риса, привозныя изъ Европейской Россіи и потому стоять страшно дорого.

Понятно что при такихъ условіяхъ спросъ на простую дешевую пшеничную муку и рисъ очень великъ, а для Сартовъ хлопокъ представляетъ значительно болѣе выгодъ и потому прельщаетъ ихъ. Виноградниковъ довольно много, а винодѣліемъ занимаются сравнительно мало, и потому мѣстные вина за отсутствіемъ конкуренціи очень дороги. Въ Маргеланѣ дешевле 40 к. за бутылку нѣтъ вина, и то плохое, лучше стоить уже 50—60 к. Всего непріятнѣе ѣхать рисовыми полями. Они представляютъ изъ себя болота которыя и служатъ разсадникомъ лихорадокъ. Вы ѣдете въ самый палящій жаръ, воздухъ совершенно раскаленный, и вдругъ васъ охватитъ сразу такая пронизывающая сырость что вы дрожите. Это значить, вы подѣхали къ рисовому полю. Вообще вся растительность за отсутствіемъ дождей требуетъ здѣсь обильнаго полива; поэтому только на тѣхъ мѣстахъ и можно сѣять гдѣ устроено искусственное орошеніе, т. е. арыки, а огромныя пространства не орошенныя пустуютъ; рисъ же здѣсь особенно сильно заливаютъ водою, такъ что она все время стоитъ. Много бѣдствій дѣлаютъ эти рисовыя поля; арыки съ рисовыхъ полей несутъ зараженную воду которая губитъ людей и животныхъ.

Я помню, на станціи „Пскентъ“ между Ташкентомъ и Маргеланомъ спросили мы самоваръ. Намучившись отъ сильнаго дневнаго жара мы потомъ продрогли ѣхавши вечеромъ рисовыми полями и съ удовольствіемъ подумывали о горячемъ чаѣ; но едва сдѣлала я первый глотокъ какъ почувствовала, несмотря на примѣсь прекраснаго краснаго вина, такой отвратительный вкусъ гнили какого еще никогда въ жизни не приходилось ощущать. „Что это у васъ за вода? спрашиваемъ мы старосту, — вѣдь это умереть можно отъ такой гнили“. — „Да что жъ будете дѣлать? съ невозмутимымъ спокойствіемъ отвѣчаетъ онъ:— всѣ мы болѣемъ отъ этой воды, смертность у насъ ужасная, а другой воды нѣтъ“. На другой станціи (станція „Мурзурабадъ“) староста намъ разказывалъ что у него постоянный недостатокъ въ лошадяхъ, потому что вода такъ плоха что лошади ея не переносятъ, вскорѣ околѣваютъ.

Унылое дѣйствіе производить все это на проѣзжаго, даже сравнительно богатыя мѣстности въ концѣ-концовъ начинаютъ раздражать своею искусственностію; вся природа, если можно такъ выразиться, не природная: нѣтъ ни ручейка, ни дерева, ни травки которыя бы не были дѣломъ рукъ человѣческихъ, и потому все это слишкомъ разчитано, размѣрено, нѣтъ того милаго безпорядка который такъ живописенъ въ природѣ. Голодъ въ путешествіи по Туркестану сильно даетъ себя чувствовать, особенно лѣтомъ. Жаръ такой что буквально ничѣмъ нельзя запастись.

Выѣхавъ изъ Самарканда съ провизіей мы принуждены были бросить ее въ первый же день, а на станціяхъ нѣтъ даже хлѣба. Между Ташкентомъ и Маргеланомъ есть даже городъ Ходжентъ гдѣ мы не могли найти ни куска хлѣба. Счастливое исключеніе представляютъ Джизакъ между Самаркандомъ и Ташкентомъ и Кокандъ между Ташкентомъ и Маргеланомъ, бывшая столица Кокандскаго ханства. Мы провели въ Кокандѣ нѣсколько часовъ и осматривали бывший дворецъ Кокандскаго хана. Въ настоящее время это казармы расположеннаго тамъ линейнаго батальона; часть дворца уже совсѣмъ сломана, другая отведенная подъ цейхгаузы сильно пострадала, но все же и теперь кое-что уцѣлѣло изъ прежняго. Нѣкоторыя залы сохранились въ полной неприкосновенности. Одну изъ нихъ занимаетъ батальонная церковь которая вслѣдствіе этого представляетъ очень оригинальный видъ. Всѣ стѣны церкви и потолокъ тонкой мозаичной работы въ восточномъ вкусѣ. Галерея кругомъ дворца очень хорошо сохранилась. Хороши также

рѣзныя ворота изъ мѣстнаго дерева—чинара. Собственно русскій Кокандъ очень маленькій городокъ, но все же есть въ немъ порядочные магазины, булочная, гостиница, а сартскій Кокандъ который сливается съ русскимъ имѣеть подобно Ташкенту огромный базаръ и дѣлаетъ большіе торговые обороты, преимущественно хлопковые. Воздухъ въ Кокандѣ вслѣдствіе сосѣдства сартскаго города и большаго крытаго базара плохой, а частыя песчаныя бури довершаютъ неприглядность города.

Тяжело ѣхать въ такую бурю когда сухой удушливый вѣтеръ со страшною силой поднимаетъ цѣлыя облака песка, не давая вздохнуть ни людямъ, ни лошадамъ. Мы испытали эту неприятность проѣхавъ въ такую бурю одну станцію, а позднѣе, живя въ Маргеланѣ, много разъ испытала я на себѣ тяжелое дѣйствіе кокандской бури и сидя дома. Тамъ какъ подуетъ вѣтеръ со стороны Коканда, такъ всѣ и знаютъ что поднялась кокандская буря. И люди, и животныя—всѣ спѣшатъ отъ нея укрыться, но плохо это удастся.

Вотъ уже скоро полгода какъ я выѣхала изъ Маргелана, а мнѣ стѣбитъ только закрыть глаза и подумать о кокандской бурѣ какъ въ ухахъ моихъ со всею силою раздается ея отчаянный вой. Каждое дерево, каждая песчинка, каждый арыкъ, а тѣмъ болѣе наша бурная рѣка Сай которая протекала мимо нашего дома,—все это словно стонетъ и плачетъ подъ этимъ страшнымъ напоромъ вѣтра, все словно проситъ пощады и всѣ эти звуки вмѣстѣ сливаются въ отчаянный ревъ не дающій покоя. На нервы кокандская буря дѣйствуетъ удручающимъ образомъ.

2-го сентября мы достигли, наконецъ, до цѣли нашего пяти-недѣльнаго путешествія (мы выѣхали изъ крѣпости Бобруйска, Минской губ., 29-го іюля). Трудно описать то радостное чувство которое испытали мы, очутясь, наконецъ, „у пристани“ послѣ долгаго и утомительнаго пути. Нечего и говорить что поэтому и Маргеланъ произвелъ на насъ съ перваго взгляда довольно пріятное впечатлѣніе. Мы видѣли въ немъ конецъ дороги, возможность отдыха, и это скрадывало отъ насъ всѣ его недостатки, съ которыми мы, однако, впослѣдствіи не замедлили ознакомиться. Если читатели интересуются этимъ далекимъ уголкомъ нашего обширнаго отечества, я вернусь въ другой разъ къ Маргелану и главному населенію его—Сартаму.

Ольга Лобри.

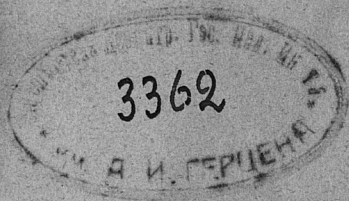
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ.

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ Сорокъ четвертый.)

1899.

М А Й.

Т-во типо-литографіи Владиміръ Чичеринъ въ Москвѣ. Марьяна роща, соб. д.

1899.

ИЗЪ ТУРКЕСТАНСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

I.

Мрачное, сѣрое небо, тяжелыя свинцовыя тучи нависли надъ землей, моросить мелкій дождь; 3 часа дня, а въ комнатахъ такая темнота что писать невозможно: сыро какъ-то, непріятно. Я уныло брожу по комнатамъ, прислушиваюсь, на улицѣ слышны визгливые жидовскіе голоса; заглядываю въ окно и такъ хочется уловить хоть одинъ свѣтлый лучъ на этомъ мрачномъ фонѣ; но нѣтъ: передъ окнами возвышается старинный костель, такой же мрачный, весь покрытый снаружи плѣсенью... И досадно становится на себя что я такъ стремилась на этотъ унылый Западъ.

Оттуда, издали, когда я была за нѣсколько тысячъ верстъ, въ Туркестанскомъ краѣ, онъ мнѣ казался такимъ милымъ, такъ тянуло меня сюда... И вотъ попала я въ Конскъ, въ Радомскую губернію,—полный контрастъ съ Туркестаномъ, и тутъ въ этотъ унылый день почувствовала я что и въ томъ краѣ изъ котораго я такъ рвалась, въ краѣ бѣдномъ цивилизаціей, богатомъ злыми лихорадками, есть кой-что и хорошее что можно вспомнить съ удовольствіемъ; есть прежде всего сильныя яркія краски къ которымъ привыкаетъ глазъ и безъ которыхъ потомъ положительно тяжело.

Я стала перебирать въ памяти кой-какіе свѣтлые образы изъ моего полутороугодоваго пребыванія въ Туркестанѣ; воображеніе живо перенесло меня къ тому времени когда я только-что вѣхала въ Туркестанъ, когда все окружающее, и природа и люди, было такъ ново для меня, такъ непохоже на все то къ чему я привыкла съ дѣтства, что казалось мнѣ, порою, точно сказкою слышанною давно отъ старой няни. Синяго, яркосиняго цвѣта небо, города, точно рощи вѣковыхъ де-

ревьевъ съ одуряющимъ ароматомъ, залитые солнцемъ пестрые азіятскіе базары, яркіе халаты мѣстныхъ жителей, ихъ дикіе громкіе оклики, бѣшеная скачка на лошадяхъ или мѣрное покачиваніе на верблюдахъ во главѣ огромнаго каравана, маленькіе сѣрые ослики мелкою рысью спѣшащіе подѣ всадниками въ зеленыхъ и желтыхъ халатахъ; чудныя лунныя ночи и неумолимо жестокія лихорадки, внезапная смерть которой случайно становишься свидѣтелемъ, смерть совершенно здороваго человѣка послѣ трехъ-четырехъ часоваго пароксизма, — все это вмѣстѣ восхищало, манило, страшило и подавляло.

Но я теперь гоню картины смерти, мрачныя воспоминанія, довольно грустно и безъ нихъ, и останавливаюсь на свѣтлой картинѣ. Живо рисуется мнѣ тихій, ясный вечеръ въ Коканъ-кишлакѣ (22 версты отъ города Андижана). Мы совершали маленькую экскурсію въ Арсламбобъ, куда стремятся всѣ магометане на поклоненіе гробницѣ своего святаго, а Русскіе — полюбоваться на богатую горную растительность, на чудныя рощи вѣковыхъ деревьевъ грецкаго орѣха, подышать чистымъ горнымъ воздухомъ, попить кумысъ. На обратномъ пути изъ Арсламбоба мы остановились подѣ вечеръ въ Коканъ-кишлакѣ („кишлакъ“ по-русски — деревня). Расположенъ онъ въ роцѣ которая тянется вплоть до Андижана, то-есть на 22 версты. Послѣдніе лучи заходящаго солнца такъ привѣтливо освѣщали рощу, такъ живописно отражались въ водахъ Кара-Дарьи что соблазнили насъ подольше полюбоваться симпатичнымъ ландшафтомъ. Мы рѣшили погулять часокъ, другой, посмотрѣть на Тинтякъ-сай протекающій неподалеку, заночевать у минъ-баши, то-есть, волостнаго управителя, и на разсвѣтѣ продолжать путь. Тинтякъ-сай представляетъ мало интереса и если о немъ много говорятъ, то единственно потому что рѣка эта оригинальна тѣмъ что постоянно перемѣняетъ русло, отчего и получила свое названіе („тинтякъ“ — измѣняющаяся, „сай“ — рѣка), но о прогулкѣ и болѣе близкомъ знакомствѣ съ Коканъ-кишлакомъ жалѣть не пришлось. Въ воспоминаніи моемъ стоитъ, какъ живая, та тихая, полная какой-то особой жуткой прелести роща, какія бываютъ только въ Туркестанѣ; а потомъ богатая саκля, вся убранная коврами, радушный хозяинъ — молодой минъ-баша изъ сартской аристократіи. Отецъ его былъ больше десяти лѣтъ на этомъ мѣстѣ и когда потерялъ его за какой-то бунтъ, то жители, изъ уваженія къ старику, выбрали сына. Кипящій на воздухѣ пилавъ и за нимъ какая-то воинственная старческая фигура въ живописныхъ яркихъ лохмоть-

яхъ, съ чернымъ, какъ у Араба, лицомъ и страшнымъ взглядомъ какихъ-то необыкновенныхъ, далеко въ глубинѣ запятанныхъ, почти не видныхъ глазъ дополняли своеобразную прелесть картины.

— Кто это? спросили мы про него хозяина.

— Это мой поваръ, отвѣтилъ онъ намъ.

Когда этотъ поваръ поставилъ передъ нами на столѣ огромную чашку съ дымящимся пилавомъ, мы попробовали заговорить съ нимъ, но онъ какъ-то угрюмо отворачивался, произнося непонятные для насъ звуки. Хозяинъ любезно пришелъ намъ на помощь и объяснилъ что человѣку этому пришлось испытать въ жизни много всякихъ невзгодъ, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался дикимъ, несообщительнымъ, но двѣ - три рюмки водки обыкновенно развязываютъ ему языкъ.

Минуту спустя хозяинъ уже подносилъ ему заветную рюмочку и, съ улыбкою указывая на насъ, что-то сказалъ ему по сартски. Водка достигла цѣли и этотъ угрюмый дикарь заговорилъ, сначала не-хотя, отрывисто, но потомъ все больше воодушевлялся, рѣчь становилась все живѣе. Я слѣдила за нимъ не спуская глазъ и отъ души жалѣла что не понимаю по-сартски и потому должна довольствоваться переводомъ минъ-баши; мнѣ кажется, именно прямо изъ устъ этого дикаря интересень бы былъ этотъ разказъ, именно въ его, какъ показалось мнѣ, сжатыхъ, но сильныхъ выраженіяхъ. Вотъ примѣрно что было передано намъ нашимъ переводчикомъ:

Во времена Худояръ-Хана, послѣдняго изъ кокандскихъ хановъ, былъ намѣстникомъ андижанскимъ извѣстный богатырь министр Алимкулъ. Въ окрестностяхъ Андижана было много кочующихъ Киргизъ - которые занимались грабежомъ, конокрадствомъ и часто нападали на Сартовъ. Алимкулъ испросилъ разрѣшенія у Худояръ-Хана покорить ихъ, началъ противъ нихъ войну, воевалъ 11 лѣтъ, наконецъ, покорилъ и покоривъ такъ возгордился что пожелалъ уже самъ стать ханомъ, началъ вести интриги противъ Худояръ-Хана, старался о сверженіи его и, наконецъ, возбудилъ всѣхъ Киргизъ къ возстанію и во главѣ ихъ пошелъ противъ Худояръ-Хана. У послѣдняго войска было мало, да и то не подготовленное, почему онъ бѣжалъ въ Бухару и оттуда написалъ воззваніе къ своимъ подданнымъ и сталъ собирать большое войско.

У кишлака Тіячи, Андижанскаго уѣзда, на той дорогѣ по которой ожидался непріятель, стояла самая лучшая, храбрая часть войска Алимкула, джигиты и конвой которые должны были

тотчасъ дать знать войскамъ куда направится непріятель. Непріятель нагрянулъ неожиданно и съ большими силами. Увидя что дѣло плохо и не желая дать восторжествовать врагу, отрядъ Алимкула залегъ въ болото чтобъ остаться незамѣченнымъ.

Трудно было, дышать пришлось чрезъ камышевыя трубки; почти весь отрядъ такимъ образомъ былъ раздавленъ непріателемъ, и ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди умирающихъ, не нарушилъ тишины. Только 8 человѣкъ остались въ живыхъ изъ этого славнаго отряда, но за то эти 8 человѣкъ спасли все остальное войско, потому что поскакали съ донесеніемъ о непріятелѣ и результатъ войны былъ таковъ что Худояръ-Ханъ долженъ былъ отступить къ Кара-Дарѣ гдѣ созвалъ министровъ чтобы рѣшить какъ быть. Въ это время Алимкулъ отправилъ къ Худояръ-Хану своего посла, одного изъ тѣхъ восьми удалцовъ которые спаслись, со своими условіями мира. Этотъ посолъ и былъ нашъ новый знакомый. У Худояръ-Хана, какъ онъ говоритъ, ему вымазали порохомъ лицо, подожгли и потомъ ослѣпшаго отправили къ Алимкулу со словами что это отвѣтъ. Слѣпыми вернулся бѣдный посолъ къ Алимкулу, но врачъ-Англичанинъ, всегда находившійся при Алимкулѣ, вылѣчилъ его. Алимкулъ не хотѣлъ простить Худояръ-Хану такого звѣрскаго поступка съ лучшимъ его воиномъ и потребовалъ отвѣта, зачѣмъ такъ сдѣлали. Худояръ-Ханъ отрекся отъ происшедшаго, сказавъ что глаза у посла просто заболѣли отъ пыли. Алимкулъ хотѣлъ заставить своего врага по крайней мѣрѣ извиниться передъ собой и пошелъ на свиданіе, посылая сказать что идетъ безъ оружія только для словесныхъ переговоровъ; но Худояръ-Ханъ струсиль этого свиданія; оно не состоялось и кончилось тѣмъ что Алимкулъ началъ владѣть Киргизами и Кипчаками, а Худояръ-Хану остались Сарты и Таджики.

„Такъ вотъ онъ кто, этотъ угрюмый старикъ въ лохмотьяхъ“, подумали мы когда оконченъ былъ разказъ и съ уваженіемъ взглянули на старика который при послѣднемъ словѣ, махнувъ рукой, вышелъ изъ комнаты.

— Золотой человѣкъ! добавилъ намъ по уходѣ его хозяинъ,—одна бѣда: кутить любить; грѣхъ это, а что съ нимъ подѣлать! Такая ужъ жизнь его!

II.

Читая и перечитывая все что пишется о послѣднихъ событіяхъ въ Туркестанѣ, мысленно рисуя себѣ злодѣйское нападеніе Сартовъ на мирно спавшихъ солдатъ 20-го баталіона, тѣхъ самыхъ изъ которыхъ я многихъ помню въ лицо, я часто съ ужасомъ спрашиваю себя: неужели я, Русская по крови и по душѣ, жила среди злодѣевъ и не чувствовала какими врагами окружены мы, какъ недружелюбно относится къ намъ мѣстное населеніе, неужели мнѣ никогда не приходила въ голову мысль что слѣдуетъ опасаться Сартовъ? Я перебираю въ памяти всѣ свои туркестанскія впечатлѣнія, передъ глазами моими снова мелькаютъ всѣ эти Мухамеды, Атлабани и проч. въ своихъ яркихъ халатахъ и чалмахъ на головѣ, слышится ихъ своеобразная рѣчь, ихъ странныя, порой наивныя, порой дикія, сужденія. Были ли эти люди добродушно бесѣдовавшіе съ нами на базарѣ, съ уваженіемъ относившіеся къ Урусъ-Тюра, какъ называютъ они русскихъ военныхъ, — были ли они похожи на злодѣевъ? Справедливость требуетъ сказать что нѣтъ. Мы, Русскіе, видѣли въ нихъ, напротивъ, много симпатичныхъ чертъ невольно привлекавшихъ къ себѣ. Прежде всего что меня поразило при первомъ же знакомствѣ съ ними, это ихъ обыкновенная, совершенно дѣтская довѣрчивость. Я помню какъ обидѣлся на меня добродушный толстякъ-мясникъ въ своемъ неизмѣнномъ ярко-зеленомъ халатѣ когда я привезла ему книжку съ распискою для забора провизіи и предложила записывать въ нее ежедневно сколько берется мяса для мѣсячнаго разчета. „Моя никогда расписокъ не бралъ, отвѣтилъ онъ мнѣ тономъ оскорбленнаго самолюбія. — Что моя, думаешь, въ Бога не вѣрить? Твой Богъ, мой Богъ — все равно, всѣ умремъ, всѣ отвѣчать будемъ. На что мнѣ твоя книжка? Сама берешь, сама себѣ и записывай какъ знаешь, время придетъ платить, сама считай, сама и плати. Я честный Сартъ, мнѣ стыдно расписки брать.“

Все время пребыванія въ Маргеланѣ я брала у этого мясника провизію, и часто бывало такъ: его самого въ лавкѣ или совсѣмъ нѣтъ, или спитъ крѣпкимъ сномъ, безъ него (прикащиковъ у него тоже нѣтъ) берется мясо, отрѣзается, вѣшается на вѣсахъ и забирается. Онъ ничего не знаетъ и ни малѣйшаго безпокойства о томъ что у него пропало 20 — 30 фунтовъ говядины. Если спросить его потомъ, не испугался онъ

куда дѣвалось мясо, онъ отвѣтитъ — что нисколько. „Кула ему дѣваться? Значить, кто-нибудь взялъ, тотъ и деньги принесетъ.“

Такое отношеніе въ Европѣ на рѣдкость и невольно составляетъ предполагать что человѣкъ съ такимъ высокимъ мнѣніемъ о честности людской самъ безукоризненно честенъ. Конечно, вѣроятно, этого Сарта никто не обманывалъ, да мало кто и рѣшится злоупотребить такою довѣрчивостію, хотя иногда находятся люди которые ни передъ чѣмъ не останавливаются.

Въ противоположность довѣрчивому мяснику, я знала Дунгана (Китаецъ принявшій русское подданство, обрѣзавшій себѣ косу и совершенно сроднившійся съ Сартами) который, продавая мнѣ постоянно шелковыя китайскія матеріи, фарфоръ и проч. китайскія вещи, положительно изводилъ меня своею подозрительностію. Принесетъ, бывало, вещей рублей на 30—40 и упрасиваетъ все купить. Если скажешь что сейчасъ нѣтъ денегъ, Дунганъ, какъ-то весь съезжась, нерѣшительно говорить: „Давай расписка“. Пока пишется расписка, онъ слѣдитъ не спуская глазъ, а беря ее въ руки испытующе такъ посмотреть въ глаза и спрашиваетъ: „А твоя тутъ хорошо писалъ?“ — „Конечно“ отвѣтишь ему. — „А твоя глупость ничего не писалъ?“ и снова такъ и вопьется взглядомъ. Если улыбнешься его недовѣрчивости — конецъ: онъ уже такъ и рѣшитъ что въ запискѣ написанъ нарочно вздоръ чтобы надсмѣяться надъ нимъ. „А! Твоя тутъ нарочно глупость писалъ“. Остается только одно — гнать его со всеѣмъ товаромъ, отбирая назадъ расписку. Тогда онъ вновь вѣритъ и проситъ прощенія.

Продавъ уже нѣсколько разъ, онъ отбросилъ свое недовѣріе и въ оправданіе себя говорилъ: „Много разъ обманывалъ меня, глупость писалъ расписки“.

Былъ въ Маргеланѣ богатый Сартъ-подрядчикъ бравшій подряды на постройку домовъ. Онъ строилъ изъ своего матеріала и тоже, какъ честный Сартъ, не заключалъ никакихъ условій. Два раза случалось такъ что когда домъ былъ выстроенъ и въ него уже переѣзжали, то Сарта прогоняли говоря что ничего ему не должны. Онъ почти разорился этимъ, а передъ своимъ отѣздомъ я видѣла его строящимъ снова домъ изъ своего матеріала. На мой вопросъ, взять ли онъ теперь расписку, онъ отвѣтилъ: „Зачѣмъ? Развѣ много нечестныхъ людей на свѣтѣ? Двухъ видалъ, больше не увижу“.

Конечно, не всѣ Сарты честны. Помню я такое дѣло: Сартъ-купецъ много задолжавшій другимъ купцамъ - Сартамъ въ одинъ прекрасный день объявилъ себя банкротомъ.

Весь базаръ взволновался; стали говорить что онъ обманщикъ, что припряталъ деньги и товаръ; дошло дѣло до суда. Въ такихъ случаяхъ въ Туркестанѣ дѣло разбирается третейскимъ судомъ. Третейскимъ судьей былъ на этотъ разъ военный врачъ, пожилой человѣкъ, коренной туркестанецъ. Передо мною живо рисуется картина этого суда: базарная площадь залита яркими лучами солнца; вся природа замерла въ изнеможеніи; замеръ и базаръ гдѣ собрались въ „кругъ“ старики-Сарты; за стариками толпится и молодежь; все тихо и безмолвно въ ожиданіи словъ подсудимаго. Вотъ онъ заговорилъ; это уже старикъ; заранѣе обдумавъ свою рѣчь, онъ начинаетъ доказывать свою невиновность.

Кругомъ всѣ слушаютъ затаивъ дыханіе, не сводя глазъ съ его лица, и вотъ по-немногу среди молодежи, сначала неувѣренно, слышится протестъ: „Нѣтъ-нѣтъ, есть у него, припряталъ, припряталъ“. Наконецъ, подхватываютъ и старики, всѣ противъ подсудимаго, а послѣдній снова отпирается, доказываетъ свою невиновность. Теперь слово за докторомъ. Какъ рѣшить—кто правъ? „Послушай, говоритъ онъ подсудимому, — я не могу рѣшить, правду ты говоришь или обманываешь, но Богъ видитъ все; подумай, вѣдь ты старикъ, ты можешь умереть черезъ два-три дня, — что отвѣтишь ты тогда Богу?“

Молчаніе; долгое, тяжелое молчаніе, и вотъ, наконецъ, прервано оно рыданіями старика подсудимаго. Со слезами винится онъ въ своемъ обманѣ, проситъ прощенія и выносить все припрятанное имъ до послѣдней копѣйки, до послѣдней тряпки. И снова все тихо, торжественно тихо. Втихомолку совѣщаются Сарты о томъ чтобъ отдать виновному часть добра чтобы не пришлось ему бѣдствовать.

Знакомство со всѣми этими Сартами, конечно, никогда не могло внушить мысль о какой-либо опасности грозящей намъ съ ихъ стороны; мы видѣли въ нихъ людей мирныхъ, довѣрчивыхъ, простодушныхъ, относящихся къ намъ съ любовію и уваженіемъ. Наши солдаты водили дружбу съ Сартами, и послѣдніе охотно угощали ихъ, разспрашивали про ихъ житье-бытье и всегда относились къ нимъ съ участіемъ.

Но несмотря на все это были кой-какіе признаки и того что не все кругомъ тихо и мирно.

Случилось мнѣ разъ, проѣзжая базарную площадь, уви-

дѣтъ издали „сартскій кругъ“ всегда означавшій что-либо важное. Меня заинтересовало что тутъ происходитъ, и я велѣла кучеру остановиться, подѣхавъ почти вплотную. Сарты слушали проповѣдь.

Сильный, властный, дышащій злобою, ненавистію, голосъ проповѣдника, его мечущіе искрами черные глаза невольно привлекали вниманіе. Я стала вслушиваться; къ сожалѣнію, рѣчь его оказалась для меня непонятною, но выраженіе лица, мимика были такъ выразительны что я безъ словъ понимала его! То перебѣгая въ кругѣ отъ одного Сарта къ другому, оживленно жестикулируя, онъ кого-то видимо упрекалъ въ страшныхъ бѣдствіяхъ, грозилъ сжимая кулаки, билъ себя въ грудь точно клянясь быть грознымъ мстителемъ, то сразу какъ-то стихнувъ обращалъ взоръ свой къ небу, какъ бы прося благословенія. Съ полными слезъ глазами онъ безмолвно опускался на землю выражая всею своею фигурой покорность судьбѣ.

Это былъ артистъ въ совершенствѣ владѣвшій искусствомъ играть на сердцахъ публики. Ему внимали съ благоговѣніемъ; но вотъ онъ снова вскакиваетъ, снова загорается потухшій взоръ; два-три слова и все кругомъ загорѣлось тѣмъ же огнемъ, огнемъ недобрымъ, вся окружающая его толпа въ воодушевленіи вторитъ ему. Громы и молніи мечутъ глаза проповѣдника, съ пѣною у рта вырываются у него слова проклятія, и вся толпа повторяетъ ихъ.

Долгое время я оставалась незамѣченною, но вотъ случайно брошенный взглядъ въ мою сторону, и присутствіе „урусъ“ открыто. Взглядъ которымъ на меня смотрѣли не предвѣщалъ ничего добраго. Слово „урусъ“ и ранѣе нѣсколько разъ съ пѣною у рта произнесенное проповѣдникомъ заронило мнѣ въ душу первое подозрѣніе противъ Сартовъ.

Замѣтивъ что далеко не всѣ базарные Сарты собираются слушать проповѣдь, я старалась узнать причины заставлявшія ихъ какъ-то боязливо укрываться отъ проповѣдниковъ которые, обходя иногда базаръ, смотрѣли на нихъ сурово и недружелюбно и молча брали деньги изъ рукъ. На всѣ мои разспросы мнѣ удалось только услышать отъ Сартовъ что проповѣдники ихъ хотя и люди святой жизни, но слушать ихъ „страшно“.

Мнѣ хотѣлось услышать навѣрное противъ кого они возмущаютъ слушателей; конечно, мнѣ не сказали всей правды, говорили что рѣчь шла объ упадкѣ нравственности у Сартовъ,

что ихъ упрекають въ томъ что въ послѣднее время многіе изъ сартской молодежи начинаютъ пьянствовать и обманывать, что въ прежнее время, при ханахъ, виновнаго въ подобныхъ случаяхъ ожидало „секимъ башка“, то-есть, обезглавленіе, и потому нравственные устои были крѣпче.

Въ этихъ словахъ чувствовалось что-то недоговоренное, и мнѣ было ясно что за ними кроется обвиненіе во всемъ насъ, Русскихъ, но моего мнѣнія относительно характера этихъ проповѣдей тогда никто не раздѣлялъ. Люди жившіе въ Туркестанѣ уже давно къ нимъ привыкли, прислушались и потому не придавали имъ ровно никакого значенія и смѣялись надъ моими опасеніями, приписывая ихъ моей фантазіи.

Я уѣхала изъ Туркестана, прошелъ уже цѣлый годъ какъ сѣрое, мрачное, покрытое свинцовыми тучами небо Радомской губерніи смѣнило для меня яркое, палящее солнце Туркестана, а юркіе жидки въ лапсердакахъ—степенныхъ Сартовъ съ ихъ пестрыми халатами. Новыя впечатлѣнія начали отодвигать прежнія уже на задній планъ, какъ вдругъ появилось въ газетахъ первое извѣстіе о нападеніи Сартовъ. И вотъ снова съ прежнею силой воскресли въ моей памяти впечатлѣнія далекаго Туркестана и при словѣ „газавать“ мнѣ такъ и представлялся въ лицѣ Ишана знакомый мнѣ проповѣдникъ, а за нимъ его слушатели. Хотѣлось бы мнѣ знать, какую роль сыграли во всей этой исторіи мои прежніе знакомцы, многихъ ли изъ нихъ сумѣлъ увлечь фанатикъ, или они остались вѣрны тому мнѣнію что такіа проповѣди „страшны“ и благоразумно отдалялись?

Вѣдь все-таки сравнительно съ численностію всего сартскаго населенія Туркестана въ возстаніи принимала участіе горсть.

Ольга Лобри.

